

Русский

А^Рлекин

Елена Булганова

ПЕРВЫЙ
ЖЕНИХ СТРАНЫ

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Елена Булганова

Первый жених страны

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=606305

Первый жених страны: роман: Центрполиграф; Москва; 2007

ISBN 978-5-9524-3281-9

Аннотация

Олесе Тарасовой, женщине средних лет, небогатой и незнаменитой, казалось бы, нечего и мечтать о том, чтобы завести роман со звездой первой величины. Но даже у самой яркой звезды имеются детские воспоминания – заветные воспоминания, которые подчас кажутся важнее всей последующей жизни. Евгений Дорохов, популярный актер, узнал в Олесе свою первую любовь, девочку, ради которой он достиг того, чего достиг. А она не сумела вовремя сказать ему, что всего лишь похожа на ту, о которой Женя мечтал всю жизнь. Но это был единственный шанс для Олеси хоть немного побыть счастливой!

Елена Булганова

Первый жених страны

– Помнишь, была передача – «Моя семья»? – спросила Марина, лениво гоняя по тарелке половинку малосолевого огурца. – Ее еще вел такой душка ведущий, не знаю уж, куда подевался. Так вот, однажды у него в студии была женщина, такая смешная, даже, можно сказать, уродливая. Она еще всем показывала, какие у нее короткие пальцы, просто шишечки, и говорила, что это отпугивает от нее всех мужиков. Но после передачи она получила сотни писем от мужчин, в том числе от иностранцев, с предложением руки и сердца. Вот что значит момент славы! А вышла за москвича, сейчас уже троих детишек воспитывает. С нормальными пальчиками детишек!

– Сама придумала? – грустно улыбнулась подруге Олеся.

– Чего это – придумала? – Марина сердито хмыкнула и скосила глаза на часы. – В газете прочитала.

– Ну и к чему ты мне это сейчас рассказала?

– А вот я думаю, подруга, что если тебе на телевизионный уровень выйти – с руками бы оторвали. Я уж молчу о том, что ты у нас красавица. Но в этом и есть великое чудо публичности: покажут тебя раз по телеку, и людям ты уже кажешься сделанной из чистого золота, – торжественно произнесла Марина и отъехала на табуретке от стола, всем своим

видом показывая, что не стоит уговаривать ее задержаться подольше.

Олеся давно догадывалась: Марине с ней неинтересно. Да, когда-то в школе они дня не могли прожить друг без дружки. Если одна девочка не обнаруживала другую на первом уроке, то сбегала с остальных, неслась проводить подружку, и плевать ей было на возможные последствия. А теперь у Марины подрастает десятилетний сынишка, который удивительно рисует, пишет какие-то запредельные стихи и рассказывает друзьям, что по ночам воюет в армии света против тьмы. Марина, узнав об этих рассказах, сперва перепугалась до судорог и бросилась искать для сына хорошего психиатра. Но потом как-то успокоилась, отыскала в Интернете сайт родителей, растящих детей индиго, и теперь самозабвенно дружит с несколькими семейными парами. Ей и с Олесей бы хотелось поговорить о своих семейных делах, но Марина деликатна. Не позволяет себе говорить с Олесей о детях, потому что детей у той нет и не предвидится. А о чем же еще? Разве что давать подруге затасканные советы насчет того, как найти жениха и наконец наладить свою жизнь. Каждый раз перед визитом к Олесе Марина специально запасается парочкой жизнеутверждающих историй.

Но и об этом говорить ей тоже скучно и надоело. Сладкая пора девичества давно прошла, и Марина искренне не понимает, почему ее умная и красивая подружка Олеся застряла в ней так надолго, может быть, навсегда. А в школе

Марина, слишком рослая и тяжеловесная, очень боялась, что все будет наоборот: подруга безнадежно обгонит ее по удельному весу счастья, и тогда придется стушеваться, незаметно исчезнуть с ее горизонта. А вот надо же, как вышло! Новые приятельницы из Интернета не могут заменить ей Олеся, и иногда Марина даже плачет потихонечку от мысли о том, что любимая подруга потеряна для нее навсегда. Она знает: с каждым годом их пути будут все больше расходиться. Даже если Олеся еще найдет себе мужа, это наверняка окажется какой-нибудь нудный тип со сложным характером и дурными привычками. Едва ли Марина решится ввести новую пару в свой дом, да и к Олеся ходить в гости, быть может, станет затруднительно. А ведь могли бы – вместе, вместе! Вместе рожать, вместе растить, делиться впечатлениями о каждом новом шажочке своих чад к взрослению. Обсуждать мужей, ругать свекровей. Да что теперь говорить об этом!

И Марина с тяжелым сердцем засобиравалась домой. Олеся ее не удерживала, только грустно смотрела на подругу, на накрытый стол, половина блюд на котором так и осталась нетронутой. Вкусы у Маринки изменились, что ли? Или новые приятельницы опять присоветовали новую диету. А у нее вот никогда ничего не меняется, даже фигура...

– Так я к чему все это говорила, насчет телевидения, – уже в прихожей спохватилась вдруг Марина. – Я же не просто так воздух сотрясала. Ты ведь скоро в Москву едешь, опытом меняться?

– Нет, пока только опыта набираться.

– Без разницы. Так вот, раз уж будешь в столице, зайди в телестудию, засветись в какой-нибудь программочке. Расскажи о своей одинокой доле. Только пожалостливее расскажи. И увидишь, просто шквал предложений последует.

– Не думаю, что в студию можно попасть прямо с улицы, это же не магазин, – без всякого интереса к теме пожала плечами Олеся. – Да и жаловаться я как-то не слишком люблю.

– Ну не знаю, как туда простые смертные попадают, но у меня в Москве есть подруга – редакторша на телевидении. Мы с ней, правда, только по Инету знакомы, – в скобках подметила Марина. – Но я ей напишу, спрошу, как это происходит. Закину удочку насчет тебя. Договорились?

– Да ладно, – махнула рукой Олеся. Жест ее можно было толковать и как отказ, и как согласие поучаствовать в эксперименте. А на самом деле она просто устала и теперь уж сама торопилась выпроводить подругу. Сколько можно болтать на пороге? На диване ее ждет недочитанная книга, на тарелке остались бутерброды с икрой, и по телевизору скоро начнется очередная серия «Остаться в живых». Все вместе – любимый наркотик, отрада одинокой души. А вот Маринке такие радости даже и не снились. Дома ее ждут грязная посуда, отказ сынишки делать математику и предгрозовое молчание мужа.

А Марина, не ведая мыслей подруги, оживилась так, буд-

то дело уже было сделано. Даже передумала домой уходить. Скинула туфли и куртку, снова вернулась к столу. Скептическим взором обмерила с пола до потолка единственную комнату Олеси, указала подбородком на стену над письменным столом:

– Скоро у тебя там пара десятков фоток висеть будет, а не этот доисторический портрет из журнала «Огонек»! Кстати, а чего этот тип тут растопырился? Ты ведь у нас актеров не жалуешь, эстраду ненавидишь...

Над столом, приколотый к обоям английской булавкой, колыхался на сквозняке портрет известного российского артиста. Артист не участвовал в шумной жизни столичной тусовки, пресса обычно вспоминала о нем лишь тогда, когда был на подходе новый фильм с его участием. Однако всем почему-то было ясно, что после смерти артист однозначно будет объявлен великим. Даже если не сыграет больше ни одной роли. А может, и лучше, если не сыграет. Потому что в последнее время фильмы с его участием явно проигрывали ранним, принесшим ему всемирную славу. Диски с его старыми фильмами Олеся смотрела так часто, что заездила до дыр. А последний фильм так и лежал нераспечатанным на полке под телевизором. Олеся уже посмотрела его в кинотеатре и теперь только вздыхала, натываясь взглядом на обложку.

– Это единственный из наших актеров, который внушает мне уважение, – с некоторым пафосом произнесла Олеся. –

И на лицо которого мне приятно смотреть.

– Лицо, на мой взгляд, как раз самое заурядное, – поведя плечами, строптиво заметила Марина.

– Зато он не кривляется. Не участвует во всяких скандальных ток-шоу. Не мешает свое имя с грязью. Он – человек, личность, а не тусовочный сброд! – устремила Олеся на защиту своего кумира.

Но Марина уже что-то припомнила, потому что, не слушая больше, буквально закружилась волчком на месте:

– Ну, если спать с мужчинами – не скандал, то он, конечно, человек с большой буквы!

– Маринка, уважающий себя человек не читает желтую прессу! – напустилась на подругу Олеся.

– Ну а как уважающему себя человеку прикажешь быть в курсе событий? – парировала подруга. И добавила поскорее, потому что говорить дальше об артисте ей тоже было неинтересно: – Так я позвоню тебе перед отъездом. Скажу, как насчет студии, получилось или нет. – И, с высоты своего почти двухметрового роста, Марина по-матерински поцеловала Олеся в подбор.

– Можешь не трудиться, – себе под нос пробормотала та. В тот момент она была уверена, что даже под страхом смерти не переступит порога никакой телестудии. Только такого позора не хватало ей на старости лет. Свои проблемы и горести нужно таить, как сундук с сокровищами, – этой нехитрой житейской мудрости научили ее родители.

Потом нужно было заниматься подготовкой к поездке, вести последние переговоры на фирме, и Олеся напрочь забыла о разговоре с Мариной. Начальство, расщедрившись на курсы повышения квалификации, хотело получить от этой ситуации хоть какую-то выгоду. Олеся должна была за время учебы в Москве не только вырасти как профессионал, но и завязать прочные связи с несколькими потенциальными клиентами.

Одной из положительных черт Марины была ее фантастическая обязательность. Она позвонила Олесе на работу в тот самый день, на вечер которого был назначен отъезд. И проговорила напористо, как о деле давно решенном:

– Так, бери ручку и пиши телефон. Я обо всем договорилась. Будешь светиться на шоу! Позвонишь, как только прибудешь в Москву.

– Так я на рассвете прибуду.

– Ничего, на рассвете и позвонишь! Она редактор утренних новостей, утро для них – самая страда. Значит, позвонишь и скажешь, что ты приехала из Питера, от Марины. Она в курсе проблемы.

И тут Олеся разозлилась, что вообще-то случилось с ней нечасто. Она покраснела, едва не расплакалась и, прикрывая трубку рукой, принялась выговаривать подруге:

– А кто тебя уполномочил сообщать о моих проблемах всему свету? Тем более что проблема существует только в

твоим искаженным видении. Это что, очень приятно, рассказывать всем, какая невезучая у тебя подруга, как у нее не задалась жизнь, да?!

— Во дает! — помолчав немного в трубку, громко восхитилась Марина. — И это благодарность за мои старания? — И отключилась.

Ровно через полчаса у Олеси в сумочке пискнул пару раз мобильный телефон. Сообщение было от Марины. Никаких слов, только телефон, судя по первым цифрам — московский, и имя редакторши — Снежана.

Командировка в Москву должна была продлиться всего пять дней. За это время Олесе предстояло прослушать курс лекций канадского профессора, повысить квалификацию менеджера и поделиться с коллегами накопленным опытом. И в результате получить очередной диплом, в общем-то бесполезный, но приятный, как в советское время — почетная грамота.

Всех прибывших в столицу поселили в древнем общежитии где-то на Филях. Увидав номер на двадцать коек, Олеся немедленно пожалела, что вообще согласилась на эту поездку. Она хоть и не слишком была привязана к комфорту, но с трудом переносила чужие голоса над ухом и навязчивый запах не слишком чистых тел. Но и это оказалось еще полбеды. Другие женщины, прошедшие еще советскую закалку, немедленно стали заваривать в банках вонючие супы и открывать консервы. Не выдержав этой невообразимой смеси

запахов, Олеся сбежала из общежития и до ночи бродила по скучному спальному району, совершенно такому же, в каком сама она жила в Санкт-Петербурге.

С первого дня стало ясно, что компания не сложилась: кроме нескольких женщин в возрасте, от которых Олеся старательно дистанцировалась, были еще ребята и девочки из провинции, шумные, диковато одетые, однако хорошо осведомленные о тусовочной жизни столицы. Они немедленно стали сговариваться о штурме модного ночного клуба. Олеся вежливо пригласили составить компанию, и она так же вежливо отказалась. И сразу после семинара поехала на Красную площадь. На следующий день – в Сокольники. А на третий день ей стало скучно. Странно, вот по Питеру она могла бродить бесконечно, в любую погоду, в слякоть и в мороз. А в Москве это почему-то не срабатывало. Через час ходьбы по чужим улицам у нее начинался приступ агорафобии.

На четвертый день она позвонила редактору Снежане. Просто для того, чтобы не обижать Марину. Ведь их дружба в последние годы и так уже висит на волоске.

Снежана слова выговаривала с такой скоростью, как будто косила врагов из пулемета:

– Что? Говорите! Какая Марина? Нет, не припоминаю. Из Питера? Насчет участия в шоу? А, да-да. Смотрю график. У вас есть какая-то интересная история?

– Не-ет! – перепугалась Олеся.

– Желаете записаться на кастинг? – торопила ее беспокойная Снежана.

– Зачем?

– Ну, чтобы озвучить уже написанную историю. Сколько вам лет?

– В районе тридцати, – дала Олеся весьма уклончивый ответ.

– На этой неделе ничего обещать не могу. Женщины вашего возраста очень активно желают сниматься в ток-шоу.

Последняя фраза оскорбила Олесю до глубины души. Она тотчас же попыталась дистанцироваться от несчастных, рвущихся на шоу женщин.

– Ждать я не могу, у меня командировка заканчивается, – проговорила она отстраненным голосом. – А побывать на передаче я хотела по работе.

Соврав, Олеся слегка запаниковала: а вдруг Снежана спросит, где она работает? Но редакторша ни о чем не спросила, лишь произнесла голосом таким усталым, будто был поздний вечер, а не самое начало дня:

– Ну, в таком случае могу вас записать на завтра на «Частную жизнь». Тема уже задана, и герои набраны. Вы придете и сядете в зале. Если у вас будет какое-нибудь интересное замечание или история по теме, вы сможете обратиться к специальным людям, которые будут находиться в зале. Или даже к самим ведущим. Постарайтесь быть в студии не позднее девяти утра. Все, до свидания, удачи!

Собственно, этим можно было и ограничиться. Лекции канадского профессора уже закончились, а на утренние часы следующего дня был назначен обмен опытом. И Олеся сама не поняла, в какой момент она решила оставить свой опыт при себе, семинар банально прогулять и оказаться вместо него в переполненном зале в телецентре «Останкино». От волнения и недосыпа ее здорово потряхивало. Олеся сцепляла руки в замок и твердила самой себе, как нерадивой ученице: «Под лежащий камень вода не течет – это истина. Какие удивительные истории начались именно с того, что человек решился и куда-то пошел. А я так нуждаюсь сейчас в какой-нибудь удивительной истории...»

По залу ходили люди с пачками листов в руках, бесцеремонно хватали прибывающих за руки, рассаживали, давали указания. Олесю несколько раз пересаживали. Сперва засунули в самый последний ряд, потом почему-то перевели в первый. Съемка долго не начиналась. Ведущие четыре раза выходили на сцену, и всякий раз что-то было не так, и они с непроницаемыми лицами вновь надолго исчезали. Олеся с тоской подумала, что эта неразбериха может длиться часами. А на улице – свежо и ясно, там зарождается весна, и ее дыхание изредка, налетами, но чувствуется в дуновении пока еще ледяного ветра.

Наконец все как-то наладилось, завертелось. Но Олеся уже выпала из темы, перегорела, и лишь машинально соединяла ладони, когда по специальному сигналу к месту и не к

месту взрывался хлопками зал. Потом, примерно к середине записи, она собралась, прислушалась, – и оказалось, что весь зал с серьезными лицами решает вопрос, есть ли ум у женщины. Через минуту Олеся затошнило от происходящего. На сцене какой-то шпендик, по виду типичный неудачник, с понтом доказывал, что женщина неумна по определению. Его оппонентами выступали несколько женщин, рассказывающих о своих успехах в искусстве или в бизнесе. Но шпендик не терялся, любой рассказ немедленно перебивал вопросом:

– А вы сами-то замужем или как?

И если женщина оказывалась одинокой, торжествующе орал в зал:

– Ну и о чем тут еще говорить?!

«Зачем я пришла? – терзала себя вопросом Олеся. – Боже, как стыдно! Еще покажут на экране мое лицо, и потом меня станут связывать с этим отвратительным фарсом».

И она завертела головой, прикидывая, как незаметно выскользнуть из зала. По удаче, сидела она почти в самом проходе, путь был свободен. Неудобно вскакивать у всех на виду, но могут же у нее быть особые обстоятельства? Олеся уже оторвалась от сидения и вдруг, к ужасу своему, услышала прямо над головой голос ведущего:

– Вот вам явно не терпится что-то сказать!

И шашка микрофона оказалась у нее прямо под носом. Олеся смутилась, налилась краской и проскрипела чужим,

неузнаваемым голосом:

– То, о чем говорится в этом зале, – это просто какое-то средневековье. Глупо и гнусно.

– Да? – удивился ведущий и сфокусировал на Олеся заинтересованный взгляд. – И в чем же глупость и, как вы утверждаете, гну-усность? – Последнее слово он почти пропел трагическим баритоном.

А Олеся, сообразив, что надо как-то выкручиваться, бросилась на защиту своих позиций:

– У вас нет объективных критериев, если они вообще возможны в этом вопросе. Разговор идет на уровне: мне с ней неинтересно разговаривать, поэтому все бабы – дуры. Но ведь это еще Высоцкий написал:

Ну о чем с тобою говорить?
Все равно ты порешь ахинею.
Лучше я пойду к ребятам пить,
У ребят есть мысли поважнее.

– Я согласен с уважаемым Владимиром Семеновичем! – не разобравшись, воскликнул шпендик. – Получается, мужчина всю жизнь вынужден находиться перед дилеммой: с женщиной он вынужден быть по зову, так сказать, природы, в то время как ему намного интереснее с себе подобными.

Олеся же, нимало не обращая на него внимания, закончила цитировать:

Разговор у нас и прям и крут,
Две проблемы мы решаем глоткой:
Где достать недостающий рупь
И кому потом бежать за водкой.

– Я понял, – сказал ведущий. – Вы здесь представляете фиминистский взгляд на мужчин как на существ ничтожных и порочных.

– Да боже меня упаси утверждать такое! – от всей души заверила его Олеся. Ведущий все-таки казался ей человеком солидным и неглупым. – Я просто хотела сказать, что у мужчин и женщин разные сферы интересов. Даже разный язык. Только любовь совершает чудо, давая влюбленным возможность говорить на одном языке.

– И конечно, с такими взглядами, дамочка, вы катастрофически не замужем? – заорал со сцены шпендик.

– Ошибаетесь, – улыбаясь и глядя противному типу прямо в глаза, отчеканила Олеся. – Я замужем. И я счастлива, что мой супруг никогда не стал бы болтать со сцены подобный бред.

Сказав это, она гордо выпрямила спину, сжала руки на груди и до объявления перерыва ни на что больше не реагировала и на сцену не смотрела. Уходить из зала она не стала – это выглядело бы бесславным бегством. Зато, едва объявили перерыв, тут же бросилась искать выход из телестудии. И немедленно заблудилась в бесконечных коридорах и переходах. Вокруг были люди, но Олеся проносилась мимо

них кавалерийским шагом. Она была слишком раздражена произошедшим в студии, чтобы вступать в разговоры. Да и у проходивших мимо нее на лицах словно была вывешена табличка: «Занят, не подходить!»

«Дай бог, чтобы эту сцену вырезали к чертовой бабушке, – непрерывно прокручивалось в ее голове. – А то ведь представу перед всей страной этакой идиоткой! Родители, кажется, смотрят «Частную жизнь». Они умрут со стыда, если увидят меня в зале. Черт, что же я раньше об этом не подумала?! Да еще на всю страну заявила себя замужней!»

– Олеся! – окликнул ее откуда-то сбоку до боли знакомый голос. Она дернулась и застыла на месте, как взнузданная на бегу лошадь.

Мужчина стоял, наполовину скрытый дверью одной из многочисленных комнат, и, вытянув шею, разглядывал ее во все глаза. Невысокого роста, по-спортивному стройный, subtilный, он даже ногу вторую не поставил на пол, как будто сыграл партию в «Море волнуется» и теперь ждал решения ведущего. Губы по-детски округлились, как будто он готовился снова произнести ее имя. Олеся захотелось упасть в обморок. Она понимала, что происходит нечто необыкновенное и не имеющее никакого реального объяснения. Словно, заплутав в коридорах этого дворца иллюзий, вдруг попала в сказку. Но кажется, даже в сказках такого не случается.

А мужчина выпустил из рук дверь, вяло хлопнувшую о

косяк, сделал шаг в сторону Олеси и слегка прищурился.

– Узнаешь меня? – спросил он уже с нотками недоверия, смущенный ее молчанием и неподвижностью.

О, конечно, Олеся его узнала. Узнала своего Гамлета, своего Дон Кихота, своего несчастного солдата, потерявшего в горниле отечественной войны святую веру в правое дело. И, заметив нетерпение в его широко распахнутых серых глазах, кивнув, пробормотала:

– Узнаю.

Он уже стоял рядом, рассматривал ее с жадным интересом. Олеся втянула живот и почувствовала, как горячая волна заливает ее лицо.

– Ты что, москвичка? – спросил он каким-то странным голосом, как будто обижался на нее за что-то.

– Нет, ленинградка, – ответила она, не замечая, что называет свой город так, как назывался он в пору ее детства. – В командировку сюда приехала.

– У тебя работа связана с телевидением? – Пальцем правой руки он описал просторный круг.

– Нет, – пробормотала Олеся и покраснела еще больше – если, конечно, такое было возможно. – Просто заглянула на одно ток-шоу. Подружка... попросила.

– А я был на записи утреннего эфира, – сообщил мужчина и вдруг улыбнулся своей неповторимой, на всю страну знаменитой улыбкой. – Потом встретил товарища, и мы с ним крепко заболтались. В какой-то момент глянул на часы, спо-

хватился, бросился бежать – и вдруг ты.

Олеся молчала, не делая даже попытки поучаствовать в разговоре. Еще несколько секунд – и волшебная сказка закончится сама собой. Зачем же своими репликами торопить конец? Ясно, что он перепутал ее с другой женщиной, которую, подумать только, тоже зовут Олесе́й.

– Ты помнишь нашу «Радугу»? – вдруг спросил Он.

Олеся встрепенулась, разлепила пересохшие губы и хрипло спросила:

– Лагерь?

– Ага. – Он радостно закивал, зачесанные назад волосы сперва встали дыбом, а потом упали на лицо, потешно закрыв ему правый глаз.

– Помню, – ответила Олеся почти машинально, любуясь этой веселой прядью и пытаясь навсегда запечатлеть ее в своем сердце.

Удивительное дело, но лагерь она и впрямь помнила. Даже много лучше помнила, чем последнее десятилетие своей жизни. В лагере она пережила первую любовь. Жаль только, что не одна пережила, а со всем девчачьим коллективом за компанию. Ошеломительно красивого парня, гитариста и драчуна, определили в их среднюю группу, хотя по возрасту он явно относился к старшим. Кажется, в старшей группе закончились места. А он бурно бастовал, попав к «малышкам». Боролся за свой перевод, даже когда осознал, каким буйным спросом пользуется у женской половины отряда. Честно го-

вора, от этого девчоночьего интереса он и пытался смыться в первую очередь. Не нравились ему «малявки»! Олеся до сих пор помнит имя этого парня и помнит поименно всех своих соперниц. А вот имена и лица живших за стенкой других мальчишек напрочь забыла.

И вдруг шальная мысль пронзила ее несколько помутненный рассудок. А вдруг среди безликой массы тех самых, толком не замеченных мальчишек был Он? Ведь они ровесники, она давным-давно выяснила это из газетных публикаций. А мальчишек было так много, безликих, мелких, приставучих, вечно пытающихся на дискотеках вытащить ее на танец, а наутро в столовой облить компотом. Постоянно получающих отлуп, а порой даже хорошую трепку. А вдруг Он был среди них?

– А когда ты первого сентября появилась на пороге нашего класса, я просто глазам своим не поверил...

Слабенькая надежда скончалась на месте. Нет, Олеся никогда не меняла школу и никак не могла появиться на пороге Его класса. Господи, какая же она дура! Он родом из Воронежа, об этом она тоже сто раз читала. Просто где-то под Воронежем тоже был пионерский лагерь «Радуга» и была другая девочка по имени Олеся, возможно чем-то похожая на нее.

– Слушай, ты ведь не торопишься? – спросил Он.

Она помотала головой. Время умерло, перестало существовать, и вопрос Его был начисто лишен всякого смысла.

– Здесь прямо в телецентре есть одна кафешка, – негромко продолжил Он и заглянул ей в лицо. А потом она почувствовала легкое пожатие его пальцев на своем запястье. – Там спокойно, можно немного поболтать. Пойдем?

– Да, – ответила она и пошла за Ним следом.

Кафешка оказалась совсем крохотной, просто комнатка с несколькими столами, спрятанная в веренице коридоров. Здесь все были «только свои». Краем глаза Олеся успела заметить несколько давно примелькавшихся с экранов лиц. Официант, грудастый мужчина с хвостом тонких обесцвеченных волос, при виде нового посетителя не понесся ему навстречу, а со значительным лицом нырнул за прилавок. Через секунду появился вновь, неся на вытянутой руке поднос с кофейником. И, устанавливая его на столике, спросил негромко и значительно:

– Может, дама желает пирожное?

Но Олеся смотрела мимо официанта. Кажется, Он что-то заказал для нее, потому что официант вновь исчез. А Он посмотрел внимательно на ее красное перепуганное лицо и спросил совсем тихо, таким голосом, словно извинялся за что-то:

– А ведь ты не узнала меня, правда?

Олеся поняла, что все кончено. Он ее разоблачил. Она до боли закусила губу и кивнула.

– Я так и понял, – произнес Он. – Я Женя Дорохов, мы с

тобой учились вместе в восьмом классе.

– В Воронеже? – пискнула она.

– Точно! У тебя, наверно, от постоянных переездов все школьные годы перемешались в голове.

– Теперь понемногу все становится на свои места, – выдавила Олеся улыбку облегчения. – Нет, я помню, что у меня был одноклассник Евгений Дорохов. И когда видела вас на экране, всякий раз вспоминала школу в Воронеже. Но как-то два образа в моей голове никак не хотели соединяться в единое целое.

– О, я знаю, я тогда был совсем другим! – чуть не опрокидывая движением руки хлипкий столик, воскликнул Евгений. – Естественно, ты не можешь меня помнить. Мне самому мерзко вспоминать, каким неприятным идиотом я был в школьные годы!

– Не-ет! – перепугалась Олеся. – Ничего подобного!

– Не спорь, Олеся, я же себя помню!

Перед таким напором Олеся сдалась, пожала плечами. В самом деле, откуда ей знать, каким он был в школе? Она машинально отхлебнула кофе и закашлялась от обжегшей рот горьковатой жидкости. И чуть отодвинула от себя чашку, решив больше не рисковать. В минуты волнения ей ничего не лезло в горло. А тут еще Дорохов не сводил с нее изучающего взгляда.

– А знаешь, я часто тебя вспоминал. Особенно в перестро-
ечные годы. Волновался за вашу семью. Все думал: а вдруг

вы оказались в какой-нибудь горячей точке. А молодец все-таки твой папа! Он же говорил, что хочет после отставки поселиться в Питере или в Москве. Так и вышло. В Питере даже лучше, чем в Москве.

– Так вы и с отцом моим были знакомы? – изумилась Олеся.

– Нет, с какой стати? Просто услышал однажды, как ты пересказываешь подружкам отцовские планы.

Олеся замешкалась на секунду, а потом собрала все свое мужество и сказала, глядя ему прямо в глаза:

– Ты так все помнишь обо мне, столько всего знаешь. Ты что, влюблен был в меня, что ли?

И она заранее улыбнулась, готовясь принять шутейный ответ. Но без тени насмешки, как нечто само собой разумеющееся, Женя в ответ произнес:

– О, конечно, я был в тебя влюблен, Олеся! Еще с лагеря. Я тогда просто умирал, горел на костре собственной страсти!

– А я как реагировала? – спросила она осторожно.

– А ты никак не реагировала, – пожал плечами мужчина.

– Может, не знала? – чуть не плача от волнения, допытывалась Олеся. – Или ты делал мне соответствующие признания?

Дорохов, отставив чашку, стремительно замотал головой:

– Ну, на признания у меня тогда не хватило пороха. Я пытался выразить свои чувства иначе. Швырял в тебя бумажками на уроке, обзывался, прятал портфель. Все как положено.

– Не так уж мало, – вздохнула Олеся. – Почти объяснение в любви.

– Может, ты и догадывалась о чем-то, – у девочек особый нюх на такие вещи. Но уверен, тебе это даже не льстило. Я же был маленький, дурной, вечно ходил с надутой физиономией, – пояснил Евгений и тут же изобразил, какая именно у него была физиономия.

– Я помню тебя! – вскинулась Олеся. Она вдруг ощутила в крови давно забытый кураж и понеслась, едва успевая оформлять в слова проносившиеся в голове образы. – Ты же хорошо учился, правда? Тебя посылали на все олимпиады. Но ты был такой зажатый, педантичный, смотрел на всех как на придурков. Ни с кем не дружил, тебе казалось, что все кругом вечно смеются над тобой. Ты был ужасно обидчивый...

– А еще патологически жадный, – с радостной готовностью поддержал ее Женя, – корчился, когда кто-нибудь касался моей вещи, мог потом даже выкинуть ее, как безнадежно загубленную. А все свои обиды записывал в дневник и потом ночи напролет терзал себе душу его перечитыванием.

– Да, малоприятное зрелище, – выдохнула Олеся. Ей было легко и весело. Голова кружилась так, будто в кофе оказался добрый глоток коньяка. Она даже заметила принесенный лично ей салатик и с удовольствием проглотила несколько ложек.

Но где-то в глубине души уже нарастала черная тоска. Почему молодость так расточительна? – вздохнула она украдкой. Олеся вдруг припомнился ее выпускной вечер. Одноклассник по имени Саша Баранов, который все пытался пригласить ее на танец. Олеся пошла танцевать с ним лишь тогда, когда устала говорить «нет». Во время танца он не сказал ей ни слова, а потом, уже отводя к стене, сунул в руку тетрадку в желтой коленкоровой обложке. Олеся удивилась, однако бросила тетрадку в мешок, где уже лежал аттестат, и забыла о ней. Дома вспомнила, пролистала. Это оказался дневник, ведомый, наверное, с пятого класса. Признание в любви к ней на девяноста восьми страницах. А она даже читать толком не стала, просто затолкала тетрадь в стол и забыла о ней на много лет. Кто он был, этот Саша Баранов? Неприметная личность, тихий троечник, которого не выперли после восьмого лишь благодаря активности его мамочки, члена родительского комитета.

Много лет спустя, переезжая от родителей в бабушкину квартиру, Олеся снова наткнулась на желтую тетрадь и на этот раз перечитала ее от корки до корки. Дочитывала, уже обливаясь слезами. Жалко было себя, по-прежнему одинокую, и непонятно, почему после школы ни один мужчина не пожелал полюбить ее с такой же силой и самоотверженностью, как глуповатый одноклассник. Жалко было и Сашу Баранова, так и не получившего в самые трепетные юные годы хоть толику любви и внимания.

А эта девочка, ее тетка, Олеся? Узнала ли она впоследствии в знаменитом артисте своего безмолвного воздыхателя? Пожалела ли о том, что не удостоила его когда-то своим вниманием? Или даже не вспомнила, не соотнесла, не обратила внимания?

— Если бы ты задержалась в нашей школе еще на год! — мечтательно произнес Женя. — Потом-то я понемногу выправился. Стал ходить в театральную студию. К концу девятого класса со мной уже можно было иметь дело. Но ты-то была уже далеко...

— Жалко, — легко согласилась Олеся. — Если бы я знала, что нравлюсь тебе... Может, с тобой и в восьмом классе можно было иметь дело.

— А я ведь собирался простоять ночь под твоими окнами! — воскликнул Евгений и заулыбался радостно, как будто вспомнил о чем-то необыкновенно приятном. — Да-а, на самом деле! Но это у меня не получилось.

— Почему? — огорчилась вдруг она.

Евгений выдержал паузу и начал рассказывать:

— Я поздно вечером отправился в военный городок, отыскал дом, в котором селили военных с семьями. Квартиры я не знал. Выбрал окно, такое симпатичное, с белыми занавесочками. Я решил, что ты непременно живешь за этими занавесочками. Стал прохаживаться по дорожке за полисадником и ждать утра. А родителей я, разумеется, в планы свои забыл посвятить. Через два часа появилась мама, не пони-

маю, как она меня разыскала. Для начала отвесила мне оплеуху, а потом велела идти домой. Я категорически отказался. Через полчаса уговоров мать ушла. А еще через час появился отец с палаткой. Эту палатку он использовал, когда в наш город приезжал на гастроли какой-нибудь столичный театр и надо было с ночи занимать очередь в кассу. Я поинтересовался, зачем он пришел. А папа ответил, что мать сходит с ума, боится, что меня изобьют какие-нибудь хулиганы. Чтобы спасти мать от безумия, отец взял палатку и отправился меня охранять. Я стал умолять его прекратить надо мной издеваться, уйти домой. А отец мой был человеком невероятной доброты и кротости. Для него издеваться над человеком было так же немыслимо, как и убить его. Но и нестигаем он был в то же время. Он так вот палец приложил к губам и сказал мне полупшепотом: «Тише, сына, людей разбудишь. Делай, что задумал, а я пойду палатку ставить». И разбил стойку за ближайшим кустом. Боже, каким идиотом я себя почувствовал! Походил еще часа два, уже совершенно деморализованный. А потом вдруг представил картинку: выглядываешь ты утром в окно, там стою я, а в десяти шагах – желто-голубая палатка и рядом с ней мой папаша в рваных трениках делает дыхательную гимнастику по системе Стрельниковой. И поскорее убежал домой.

Олеся смеялась. Смех так и рвался из ее груди, не давая вздохнуть, вгоняя в краску и заливая слезами щеки. Она вдруг так отчетливо увидела все это: и палисадник рядом с

двухэтажным кирпичным баракom, и палатку между кустов сирени. Из-за белой занавески она глядит во двор и хохочет над нелепой фигурой своей очередной жертвы. Потом падает на кровать, ставит себе на живот громоздкий телефон и начинает названивать своим подружкам, чтобы и они посмеялись вместе с ней над дурачком-одноклассником.

«Остановись! – в какой-то момент приказала себе Олеся. – Ты не можешь этого помнить, потому что тебя там не было и быть не могло! И между прочим, никто никогда не стоял под твоими окнами! Может, только Саша Баранов».

Но наваждение не исчезало, подкидывая памяти новые картинки той ночи в Воронеже. Лишь усилием воли Олеся перестала смеяться и виновато посмотрела на Женю. Кажется, он был доволен, что сумел ее развеселить. В его улыбке, такой знакомой, разрекламированной тысячами изданий, совсем не было обиды. Когда она примолкла, он продолжил рассказ:

– Наутро я проснулся и решил, что все кончено. Мне показалось, что после такого позора любовь к тебе просто обязана испариться. Я прислушался к себе и обнаружил в душе своей мир и покой. Я так обрадовался этому, что даже начал распевать в голос какую-то песню. Родители уже ушли на работу, я решил по такому случаю устроить себе маленький праздник и завалился с книгой в постель. Я же был отличник, мог себе позволить один-то раз не пойти в школу! Немного почитал, потом уснул. Проснулся я ближе к полу-

дню от какого-то странного беспокойства. Сердце мое словно сжали железные щипцы. Я решил, что меня терзают муки совести за прогул. Вскочил, за две минуты оделся и побежал в школу, чтобы успеть хотя бы на последний урок. Но когда вбежал в школу, техничка уже жала на кнопку звонка. Я поднялся на второй этаж, но зайти в класс не посмел – учительница химии такие вещи не прощала. От греха подальше я укрылся в соседнем крыле школы. Оттуда через большие окна коридора я видел наш класс. Была лабораторная, ты возилась с какими-то пробирками. Я мог видеть только твою спину и профиль, когда ты поворачивалась к соседке по парте. И вдруг я понял, что любовь никуда не испарилась – она возросла. Я был готов столетие простоять в этом коридоре. Чтобы через два окна и двадцать метров школьного двора видеть твою спину. Вот когда мне показалось, что я понял все о любви!

– А потом я уехала, – шепотом проговорила Олеся.

– Да, всего лишь через месяц.

Помолчали немного, Олеся машинально продолжала потягивать апельсиновый сок, неведь когда возникший перед ней. Голова ее слегка закружилась, будто сок в бокале и во все обратился вином.

– Как теперь твоя фамилия? – вдруг спросил Женя.

– Тарасова, – проговорила Олеся, едва не поперхнувшись соком.

– Ты замужем? – спросил он и стал смотреть куда-то в

сторону.

– Нет, – тоненьким голосом ответила она и прибавила, колебавшись: – Я в разводе.

– Ясное дело, что развелась. Я ведь помню твою девичью фамилию – Марченко.

Олеся ощутила, как снова начинает пылать ее едва остывшее лицо. К счастью, в этот момент у ее спутника зазвонил телефон.

Он разговаривал сперва за столом, потом, извинившись перед Олесей, отошел к противоположной стене, а чуть позднее и вовсе вышел из помещения кафе.

«Это ему женщина звонит, – грустно подумала Олеся. – Иначе зачем выходить?»

Через минуту Женя вернулся. Вид у него был печальный.

– Хотел перенести съемку, – сказал он. – Погулять с тобой по Москве. Но режиссер поклялся руки на себя наложить. Когда ты возвращаешься в Питер?

– Сегодня вечером, – ответила Олеся. – А перед этим у нас мероприятие на курсах.

Она была даже очень рада, что у него сегодня съемки и их знакомство вот-вот закончится. Хорошее не имеет привычки длиться долго. Она провела самый счастливый час в своей жизни – и довольно. Нагромодила тонны лжи, ее не разоблачили – и ладно. Чего же еще желать? Вечер ложных воспоминаний закончен.

– Продикуй свой телефон, – попросил Женя.

Олеся покорно перечислила цифры. Сама спрашивать его телефон не стала, давая понять, что не ждет никакого продолжения. Ей просто не терпелось уйти, остаться одной. Чтобы заново раз за разом вспоминать эту удивительную встречу.

Двенадцать часов спустя Олеся Тарасова лежала на верхней полке купейного вагона и ждала отправления, чтобы закрыть глаза и открыть их уже в Питере. Она не сомневалась, что сразу уснет, – уж очень нелегкий выдался у нее денек. Немного саднило в груди, самую малость хотелось плакать. Но привычного чувства одиночества не было и в помине. Олеся Тарасова думала об Олесе Марченко как о немного подзабытой, но любимой школьной подруге.

Она пыталась представить Олеся Марченко в школьные годы. Какая она была? Наверно, как все дети военных в ту доперестроечную эпоху, немного заносчива и высокомерна. Хорошо одевалась, была не похожа на остальных девчонок хотя бы потому, что несла на себе отпечаток других мест и нравов. За это приходилось платить отсутствием подруг, необходимостью постоянно приспосабливаться к новому коллективу. Приспосабливаться к новым учителям. Интересно, не вскружила ли ей голову непрерывная череда провинциальных поклонников? Сумела ли потом, после школы, выбрать одного единственного? Узнать бы...

Где-то в недрах дорожной сумки зазвонил и затрясся те-

лефон. Сонная Олеся вяло порылась в вещах, поднесла его к уху и вздрогнула, услышав такой знакомый голос:

– Ты уже в пути, Леся?

– Нет, – пробормотала Олеся. Потом глянула в окно, на поплывшие мимо вокзальные постройки и поправилась: – Да, едем.

Странно, но в кафе она совсем почти не волновалась. А теперь просто зуб на зуб не попадал, слова вылетали скомканные, а Женин голос почти заглушала бешеная пульсация крови в правом ухе. Олеся переместила телефон, но ситуация не исправилась.

– А я сейчас вернулся домой и отыскал фотографию нашего класса. Помнишь, мы все фотографировались, когда собирались в поход?

«О боже!» – подумала Олеся. И снова ответила:

– Да.

Дорохов молчал. Наверно, сказал, что хотел, и теперь считал тему их знакомства исчерпанной до доньшка. А может, ждал, что и Олеся ответно что-нибудь припомнит. Но у нее сейчас не было сил ломать комедию. И Олеся уже собиралась попрощаться, когда он снова заговорил:

– Знаешь, Леся, я сегодня понял одну вещь. Хочешь скажу?

– Скажи.

– Может, это звучит смешно, но я стал тем, кем стал, только по твоей милости. Я ведь и думать не думал о том, что-

бы стать артистом. Родители мои мечтали, чтобы я получил серьезное высшее образование, как минимум в университете. А когда твоя семья уехала из нашего города, я стал думать: как мне отыскать тебя? Ты ведь могла оказаться в каком угодно городе. Университетское образование тут не поможет. И однажды меня посетила одна нахальная мыслишка: надо, чтобы не я тебя, а ты меня нашла. Для этого требовалось всего два условия. Во-первых, ты должна была задним числом вдруг заинтересоваться моей персоной. Во-вторых, я должен был всегда быть на виду, чтобы ты знала, где меня искать. И оба эти условия работали при одном решении: я должен стать знаменитым. О, я даже не сомневался, что при правильном подходе обнаружу в себе массу талантов. Начал писать роман, но как-то ненароком заглянул в Достоевского, сравнил – и все уничтожил. После этого пошел в Дом пионеров и записался в хор и в драмкружок. Уж что-то должно было сработать.

– Ты не продумал один момент, – сказала Олеся.

– Какой? – заволновался Женя. А может, только сыграл волнение.

– Я могла не знать о твоих чувствах. Или не знать, что ты продолжаешь любить меня. А какая нормальная девушка станет разыскивать пусть и старого знакомого, если не уверена в том, что он будет ей рад?

– Я думал об этом, – очень серьезно возразил ей Дорохов. – Я все-таки надеялся, что ты догадываешься насчет мо-

их чувств. Но ты ведь была такая дьявольски гордая девчонка! Я решил, что в первом же фильме, в котором я снимусь, я скажу какую-нибудь кодовую фразу, которую поймешь только ты. Или уговорю режиссера назвать героиню твоим именем. Или буду в каком-нибудь эпизоде рассматривать твою фотографию. В общем, у меня было очень много идей.

– И сделал ты что-нибудь из этого? – всерьез заинтересовалась, даже приподнялась на локотках Олеся. Интересно ей будет по возвращении в Питер пересмотреть фильм с таким закодированным признанием.

– Нет, не сделал, – легко сознался Женя.

– Понятно, – пробормотала Олеся, снова опуская голову на тощую вагонную подушку.

Они проболтали еще, наверно, с полчаса. А когда распрощались, Олеся уже и думать забыла о сне. Ей хотелось прыгнуть вниз, побежать все равно куда, выскочить в тамбур и закружиться на месте. Но внизу спала женщина с ребенком, и Олеся только ворочалась потихонечку на своей узкой койке, крутила головой и до боли сжимала кулаки.

– Господи, что же он за человек такой? – бормотала она себе под нос. – Обычные мужчины, даже напослани ты им, что однажды в ясельной группе они оконфузились, испачкав штанишки, будут все отрицать. А этот всю душу передо мной вывернул там, в кафе, так еще и перезвонил. Почему? Может, это какая-то игра для пресыщенной звезды? Может, он с самого начала разыгрывал меня? Вот разве что имя? Отку-

да ему знать мое имя?

«А ведь я никогда не полюбила бы его в школе, – думала она, уже проваливаясь в сон. – Не полюбила бы его и в свои двадцать, и в двадцать пять лет. А теперь мне кажется, что только такого, как он, и возможно полюбить. Большого доброго мужчину. Хотя ростом он не выше меня, все равно, я знаю, он большой и добрый мужчина».

И заснула она всего за час до того, как принялась стучать в купе растрепанная проводница, кричащая протяжным хриплым голосом:

– Прибыва-аем в город Санкт-Петербург!

Вернувшись домой, Олеся не стала звонить своей единственной подруге Марине, хотя прежде всегда спешила поделиться с ней даже самым незначительным романтическим переживанием. Она боялась, что рациональная Марина начнет высказывать предположения, которые в один миг разрушат то хрупкое счастье, что так внезапно поселилось в ее душе. Впрочем, уже к концу первого дня в Питере счастье как-то съезжилось, погасло, уступив место усталой грусти и горькому разочарованию.

«И все? – думала Олеся. – Так мало? Неужели Господь отмерил мне счастья всего на сутки? Но почему, за что? Другие-то счастливы годами...»

К счастью, семинар закончился в пятницу, и ей не нужно было идти на работу. Олеся заварила себе чай с мятой и ме-

дом, на скорую руку приготовила пару бутербродов и поставила все это на тумбочку у кровати. Потом, лязгая зубами, достала из комода самое теплое ватное одеяло. Ей казалось, что после мягкой московской погоды ледяной питерский ветер проморозил ее всю насквозь. Она чувствовала себя разбитой и почти больной. Лежа в кровати, она до подбородка натянула одеяло и долго согревала ладони горячей чашкой.

А поздно вечером снова позвонил Дорохов. И счастье вернулось, окрепшее, оперившее свои хрупкие крылышки, полное до краев невероятной надежды. Женя сказал, что через десять дней приедет в Питер. Без всякого дела, просто – к ней в гости. Но всего на один день, до вечера. Больше не позволит съемочный график. Может, она постарается в этот день взять отгул на работе?

Потянулись дни ожидания, полные волнений и серьезной внутренней ломки. Олеся словно взяла обет молчания. Она почти ни с кем не разговаривала, только родителям позволила, отчиталась о возвращении. И уж тем более не рассказывала о том, что произошло с ней в Москве.

Она до тошноты беспокоилась о том, что важного и интересного сможет сказать Дорохову при их новой встрече. Ну ладно, всю первую встречу они посвятили воспоминаниям о школьных годах. Но что дальше? Она даже отыскала на полке знаменитую книгу Бояджиева о театре и попыталась ее проштудировать. Мысль, что люди знаменитые, в сущности, общаются так же, как люди обыкновенные, приходила ей в

голову, но как-то не могла там зацепиться. Ей казалось, что с такими, как Дорохов, непременно надо говорить о чем-то значительном, важном.

Потом ей пришло в голову, что она сможет показать Жене свои любимые места в Питере, и теперь часами бродила по городу, проговаривая про себя целые монологи.

Ей хотелось вывернуть себя наизнанку, освободиться от всей грязи, что накопилась за прожитую жизнь, от пошлости, прилипшей с годами, от всех тяжелых, гадких мыслей, что тяжелым грузом лежали на сердце. Ей хотелось снова стать ребенком. Еще точнее: ей хотелось стать той Олесею, которую много лет назад полюбил ученик воронежской средней школы. Но при этом отдать этому образу все то прекрасное, что было в самой Олесе в ее шестнадцать лет. Потому что Олеся Тарасова даже не сомневалась, что была в свои юные годы куда лучше надменной и холодной Олеси Марченко.

Женя прилетел во вторник. В аэропорту его встречала Олеся и еще один человек, представленный ей как администратор одного из питерских театров. Звали его Валерий, и из всех встречающих он сразу выделялся своей невероятной толщиной, лысой головой и ямочками на щеках. Он галантно поклонился Олесе, по-дружески постучал Жене по спине своей стокилограммовой дланью и распорядился:

– Бегом в машину, пока журналюшки не налетели!

И они, как маленькие дети, наперегонки бросились через

зал ожидания. Правда, узнать Женю в темных очках было бы мудрено. Обыкновенный мужчина средних лет, с типично русским лицом. В машине он первым делом достал из внутреннего кармана упакованную в целлофан черно-белую фотографию. И без слов, улыбаясь одними губами, протянул ее Олеся. Ее немедленно бросило в жар, и трясущимися руками она поднесла фотографию к самому лицу, словно хотела спрятаться за ней.

Собственно, фотографий оказалось даже две. На одной стояли тесной кучкой человек восемь подростков, в основном мужского пола. Небрежно одетые в куртки из плащовки, у ног валяются раздутые рюкзаки из грубой серой ткани. И на их фоне она – королева. Тоненькая девочка со светлыми локонами до плеч. Широкий обруч фиксирует волну волос над высоким чистым лбом. На девочке свитер с крупными узорами, обтягивающие черные джинсики, и рюкзак у ее ног настоящий, импортный, из непромокаемого материала. Двухцветный, хотя этого и не видно на фотографии.

Молча, закусив губу и с трудом переводя дух, разглядывала Олеся снимок. Смотрела, сравнивала. Надо же, она всегда стеснялась своего слишком высокого лба и со школьной поры ходит с челкой до бровей. А оказывается, как пошел бы ей обруч с этой пушистой волной надо лбом. Может, нужно было попробовать? Хотя откуда в те годы у нее взялся бы такой обруч? В магазинах тогда лежали только обручи из жесткой пластмассы, они, как тиски, сковывали голову, да-

вили на виски. Ах, если бы у нее в детстве были такие красивые вещи, как у этой Марченко! Наверно, она тоже стала бы королевой школы или хотя бы класса. Уж самооценка наверняка бы повысилась.

На втором снимке была запечатлена часть какого-то класса, совершенно обычного, с таблицами на стене и хиреющими цветами на подоконнике. Олесе даже показалось на мгновение, что это – ее собственный класс. За партами, склонившись над тетрадками, безучастно застыли ученики. И только она, эта Олеся Марченко, вскинула свою хорошенькую пушистую головку и смотрела, задорно улыбаясь, прямо в объектив. В тощем парнишке, уткнувшемся рядом с ней глазами в парту, Олеся узнала Женю и спросила удивленно:

– Выходит, мы с тобой сидели за одной партой?

– Ты даже это забыла? – засмеялся он. – Ты пересела ко мне тогда, когда поняла, что у меня можно списать, особенно на алгебре. Ты ведь совсем не имела склонности к точным наукам, Лесенька.

– Но разве можно было самовольно пересаживаться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.